

Шершеневич Габриэль Феликсович

**История кодификации
гражданского права в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г12

Г12 **Габриэль Феликсович Ш.**
История кодификации гражданского права в России / Шершеневич Габриэль
Феликсович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 130 с.

ISBN 978-5-521-31058-6

ISBN 978-5-521-31058-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

международные, имѣющіе своєю цѣлью опредѣлить поведеніе безпокойныхъ руссовъ въ предѣлахъ Греціи, въ отношеніи къ грекамъ. При несомнѣнномъ вліяніи болѣе образованныхъ грековъ на составленіе договоровъ, послѣдніе могутъ служить весьма ненадежнымъ указателемъ древняго русскаго права. Источниками же права они, конечно, никогда не были.

Русская Правда представляетъ собою замѣчательный историческій памятникъ. Она создается въ то время, когда только образуется русское государство, характеризуя самый начальный правовой порядокъ. Русская Правда дошла до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій относится, можетъ быть, къ концу XIII вѣка. Изъ этихъ списковъ обнаруживается существованіе первоначальнаго, основнаго текста (первыя 17 статей краткой редакціи), который позднѣе постепенно пополнялся измѣненіями, дополненіями, сводками. При всемъ его историческомъ значеніи, этотъ памятникъ оставляетъ открытыми существенные вопросы. До сихъ поръ продолжаетъ быть спорнымъ, кто, когда, гдѣ, зачѣмъ и какъ составилъ Русскую Правду.

Историческое преданіе приписываетъ составленіе Русской Правды великому князю Ярославу, что и обнаруживается изъ встрѣчающихся иногда заглавій: Уставъ великаго князя Ярослава. Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1016 годомъ, рассказывается, что Ярославъ, въ благодарность за оказанную ему новгородцами помощь, „отпусти ихъ домой и давъ имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, тако держите“. Конечно Русская Правда не содержитъ въ себѣ льготъ для новгородцевъ, но, можетъ быть, льготы были даны вмѣстѣ съ Правдою, что подтверждается сопоставленіемъ съ Никоновскою лѣтописью цоть 1033 годомъ („по сей грамотѣ дайте дань“).

Въ настоящее время отрицается официальное происхожденіе Русской Правды и господствующее мнѣніе признаетъ въ ней только частный сборникъ. Въ доказательство приводятъ слѣдующія соображенія. а) Въ Русской Правдѣ о великомъ князѣ Ярославѣ говорится въ третьемъ лицѣ, что совершенно не соответствовало бы официальному ея происхожденію. Противъ этого доказательства можно сказать слѣдующее. Ярославу можетъ быть приписана Русская Правда въ видѣ первыхъ

17 статей, а въ нихъ Ярославъ не упоминается. Но если бы даже мы приписали Ярославу тѣ статьи, гдѣ о немъ говорится въ третьемъ лицѣ, все же такая форма не даетъ еще права сомнѣваться въ officialности сборника. Конечно, не самъ Ярославъ составлялъ Правду, а лицо, которому была поручена работа, могло вполне вѣроятно прибѣгнуть къ этой формѣ, въ особенности для противопоставленія нормъ обычныхъ и нормъ созданныхъ Ярославомъ („то ти оуроки Ярославъ“). Судебники—акты несомнѣнно officialные, а между тѣмъ въ приступѣ о великомъ князѣ и царѣ говорится въ третьемъ лицѣ. b) Утвержденіе, будто никакой древній актъ не писался безъ указаній отъ кого и къ кому обращены статьи, довольно голословно, да и притомъ мы не имѣемъ подлинника, а только списки, въ которыхъ обращеніе могло казаться излишнимъ. c) Указываютъ на вставленные въ текстъ толкованія („а то есть не скоть, не лзѣ рчи: оу кого есмь купилъ“—Троицкій, ст. 33), которыя были бы неумѣстны въ officialномъ сборникѣ. Но, во первыхъ эти толкованія могутъ принадлежать и переписчику, а во вторыхъ почему отрицать возможность подобныхъ мѣстъ въ officialномъ сборникѣ XI вѣка, когда они обильно встрѣчаются въ дѣйствующемъ правѣ (напр. т. X, ч. 1, ст. 179). d) Въ пользу частнаго характера Русской Правды приводятъ разнообразіе чтеній въ текстѣ, но это разнообразіе относится къ пространной редакціи, тогда какъ краткая редакція отличается полною устойчивостью. Между тѣмъ вопросъ идетъ о томъ, была ли издавна при Ярославі officialно Русская Правда. Разнообразіе содержанія пространной редакціи объясняется нарушеніемъ единства русской земли въ то время, къ которому относятся дополненія Правды. e) Наконецъ, приводятъ аналогію, ссылаясь на то, что, одновременно въ Западной Европѣ появляются такіе же частные сборники въ видѣ саксонскаго или швабскаго зерцала (XIII в.). Но аналогія даетъ право сопоставить Русскую Правду не съ этими позднѣйшими произведеніями, а съ *leges barbarorum*, которые, создаваясь при сходныхъ условіяхъ, не были частными сборниками.

Такимъ образомъ соображенія, выставляемыя въ пользу частнаго характера Русской Правды, не въ состояніи доказать это положеніе. Въ пользу officialнаго характера этого памятника говоритъ несомнѣнно officialное значеніе, какое

придавалось Правдѣ включеніемъ ея въ кормчія. Офіціальныи характеръ Правды подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что сыновья Ярослава, собравшись и тѣмъ выразивъ правовое единство, измѣняли статьи Русской Правды. Если послѣдняя составляетъ произведеніе частнаго лица, то она остается одиночнымъ явленіемъ въ исторіи русскаго права. Нельзя, наконецъ, отрицать всякое значеніе за преданіемъ, если оно не опровергается твердыми историческими данными.

Существуетъ предположеніе, что Русская Правда составлена въ Новгородѣ и выражаетъ собою начала права, выработанныя новгородскою общиною. Въ подтвержденіе этого приводятъ то обстоятельство, что почти все списки Русской Правды найдены въ новгородскихъ лѣтописяхъ, что въ ней встрѣчается различіе между русиномъ и словениномъ, которое могло образоваться только на сѣверѣ, что наконецъ на югѣ статьи слишкомъ быстро потребовали измѣненій, чтобы можно было допустить въ нихъ мѣстное происхожденіе. Но противъ этого можно возразить, что по лѣтописи Ярославъ далъ Новгороду Правду, предложивъ ея руководствоваться. При политическомъ и культурномъ значеніи Киева X—XI вѣка не вѣроятно, чтобы правовое единеніе шло не изъ него, а изъ Новгорода. Мѣстный новгородскій сборникъ едва ли могъ бы получить такъ быстро и такое широкое распространеніе. То, что списки Русской Правды встрѣчаются главнымъ образомъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ, могло бы съ одинаковымъ успѣхомъ показывать, что примѣненіе ея ограничивалось сѣверомъ, но мы знаемъ, что это не вѣрно. А скоро поналюбившіяся измѣненія могутъ быть объяснены тѣмъ толчкомъ, какой получила общественная жизнь вслѣдствіе принятія христіанства, сліянія родовъ въ государственный союзъ, усиленія городской жизни.

Русская Правда въ томъ видѣ, какъ она дошла къ намъ, не есть одновременное произведеніе. Она составлялась постепенно, путемъ дополненій, въ теченіе XI—XIII вѣковъ. Основую является сборникъ въ 17 статей, который можетъ быть отнесенъ ко временамъ Ярослава. Затѣмъ происходятъ измѣненія, благодаря которымъ Русская Правда должна была принимать разный видъ, смотря по времени. Къ сожалѣнію, древнѣйшій дошедшій до насъ списокъ относится ко времени, когда редакціи уже заканчиваются.

Какая причина побудила къ составленію сборника въ его первоначальномъ видѣ? По всей вѣроятности потребность въ немъ была вызвана во первыхъ рѣзкою переменною общественной жизни вслѣдствіе перехода отъ родового быта къ государственному, во вторыхъ развитіемъ городской жизни, о чемъ можно судить по описанію Кіева Дитмаромъ, а также по замѣнѣ этнографическихъ названій названіями по городамъ, въ третьихъ вторженіемъ византійскаго права, рядомъ съ которымъ необходимо было опредѣлить свое родное. На послѣднее обстоятельство указываетъ и заглавіе сборника „Правда Росѣа“, которое, по справедливой догадкѣ, выставлено въ противоположность сборникамъ греческаго права. Такъ какъ вопросы, подлежащіе компетенціи церковнаго суда, не вошли въ Русскую Правду, даже позднѣе, при дополненіяхъ (за исключеніемъ опеки), то слѣдуетъ полагать, что этотъ сборникъ былъ предназначенъ для судовъ свѣтскихъ. Но нѣтъ основанія заходить такъ далеко, чтобы признавать за Русскою Правдою значеніе источника лишь для княжескаго суда, но не для вѣчевого.

Русская Правда въ краткой редакціи представляетъ собою главнымъ образомъ сборникъ обычнаго права. Но, рядомъ съ обычнымъ правомъ источникомъ ея является и законодательство князей. Законодательная дѣятельность Владиміра Святого извѣстна намъ по лѣтописи (П. С. Р. Л. т. I, стр. 54), а участіе Ірослава въ творествѣ права обнаруживается изъ самаго сборника. Едва ли на первоначальной Русской Правдѣ могло уже отразиться византійское вліяніе, особенно, если мы признаемъ, что главнымъ побужденіемъ къ ея составленію было желаніе сопоставить свое право съ греческимъ. Скорѣе можно предположить первоначальное норманское вліяніе, хотя нѣтъ никакой возможности опредѣлить въ настоящее время степень этого вліянія на культуру славянъ вообще и на ихъ право въ частности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ эпоху составленія Правды русская земля находилась въ самомъ близкомъ общеніи съ западнымъ міромъ. Но при дальнѣйшихъ пополненіяхъ Русской Правды византійское право должно было пробить себѣ доступъ къ ней и вліяніе его весьма вѣроятно на статьяхъ о наслѣдствѣ и холопствѣ. Наконецъ источникомъ для пополненія Русской Правды служила судебная практика, какъ это ясно обнаруживается изъ самаго содержанія, напр.

„а конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Пыславъ въ своемъ конюхѣ, его же оубили Дорогобудыцѣ“ (акад. ст. 21).

Въ первоначальныхъ сборникахъ права нельзя, конечно, искать научной системы, распредѣленія юридическихъ нормъ права по какимъ либо логическимъ основаніямъ. Чаще всего матеріалъ располагается по бытовой его важности. Нѣчто подобное можно замѣтить въ краткой Русской Правдѣ, которую мы считаемъ основнымъ и одновременнымъ произведеніемъ. Въ ней сначала идутъ статьи объ убійствѣ, потомъ о причиненіи ранъ, увѣчій, о нанесеніи побоевъ, затѣмъ о нарушеніи права собственности, о взысканіи долга, и наконецъ, въ видѣ случайной прибавки, о нанесеніи побоевъ холопомъ свободному мужу. Позднѣе Русская Правда дополнялась по хронологическимъ основаніямъ, а иногда производилась свodka накопленнаго матеріала. Для насъ остается открытымъ, производилась ли свodka эта путемъ официальнымъ или частнымъ. Второе предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ.

Русская Правда характеризуетъ переходное время отъ родового быта къ государственному. Еще родичи мстятъ за обиду, причиненную своему и законъ даже выражается такъ, что можно подумать, будто онъ вмѣняетъ мечь въ обязанность. Съ другой стороны ограничивается кругъ лицъ, призванныхъ къ мести, чѣмъ сокращаются гибельныя ея послѣдствія. Назначеніемъ высокаго для той экономической эпохи вознагражденія за убійство, увѣчіе, побои, законъ соблазняетъ мстителя и останавливаетъ его руку: значигь сознаніе долга мести еще существуетъ, но оно уже настолько подорвано ослабленіемъ родовыхъ началъ, что долгъ уступаетъ экономическому расчету. Согласно нелазному еще родовому быту, первоначальная Русская Правда знаетъ только свободнаго мужа и холопа: всѣ равны и всѣмъ одна цѣна, потому что каждый — членъ рода, а роды другъ другу равны. Участіе всего рода въ слѣдкахъ переходитъ теперь въ привлеченіе послуховъ. Закличъ произвѣдтъя всеародно, публично. При постепенныхъ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ слѣды родового быта ослабляются, а государственное начало беретъ верхъ. Вводятся наказанія, независимыя отъ обиды, потокъ и разграбленіе, устанавливается неравенство въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя сказать, чтобы въ пространной Русской Правдѣ гражданскому праву было отведено слишкомъ мало мѣста. Если съ нашей современной точки зрѣнія гражданско правовое содержаніе Правды недостаточно, то слѣдуетъ имѣть въ виду сравненіе ея съ другими подобными историческими памятниками. Если вещное право представляется наименѣе полнымъ и яснымъ, за то обязательственному праву отведено относительно значительное мѣсто. Такъ Правда предусматриваетъ договоры займа, личнаго найма, поклажи, купли-продажи. Если это обстоятельство указываетъ на развитыя торговыя отношенія, то вліяніе торговли на старое обычное право еще болѣе обнаруживается въ установленіи параллельныхъ нормъ для торговыхъ и гражданскихъ отношеній (ст. 44 и 45 кар. сп.). Семейныя отношенія совершенно игнорируются Русскою Правдою или потому, что это область автономіи или потому что семейныя отношенія не принадлежали къ вѣдомству свѣтскихъ судовъ. По этой причинѣ представляется нѣсколько страннымъ, что Русская Правда даетъ довольно подробныя положенія объ опецѣ, которая, по связи съ семейственнымъ правомъ относилась къ вѣдѣнію церковныхъ судовъ.

Русская Правда не охватила, конечно, всего дѣйствовавшего обычнаго права. Для вновь возникающаго государства не всѣ отношенія одинаково важны. Оно стремится опредѣлить наиболѣе существенныя для общежитія стороны, каковою является огражденіе личной безопасности. Во вторыхъ составитель сборника не въ состояніи былъ бы сразу оформить и закрѣпить на бумагѣ все обычное право, потому что выраженіе мысли всегда нѣсколько отстаетъ отъ самой мысли. Гражданское право останавливаетъ на себѣ вниманіе послѣ уголовного, а потому и въ Русской Правдѣ отношенія, относимыя теперь къ уголовному праву, стоятъ на первомъ планѣ.

Русская Правда внесла и поддерживала объединительныя правовыя тенденціи. Неблагопріятно сложившіяся впослѣдствіи историческія обстоятельства создали политическую рознь и способствовали развитію партикуляризмовъ на счетъ прежняго единства. Все же содержаніе Русской Правды легло въ основаніе мѣстныхъ правъ, напоминая о быломъ единствѣ.

Лигерат р. л. Было высказано мнѣніе, отрицающее полезность дѣленія русской истории на періоды, Соловьевъ, История Россіи, т. I, предисловіе. Но, если дѣйствительно одни историческіе моменты переходятъ незамѣтно для современниковъ въ другіе, то на далекомъ разстояніи исторической перспективы характеристическія черты въ одномъ мѣстѣ гуще, въ другомъ рѣже. Исторія права идетъ нога въ ногу съ общою исторією. Сответственно тому исторію русскаго права можно раздѣлить на три основныхъ періода: кievскій, московскій и петербургскій. Между первымъ и вторымъ лежитъ еще мѣстный періодъ. По вопросу о дѣленіи исторіи русскаго права на періоды см. подробно Леонтовичъ, История русскаго права, в. 1, 1869, стр. 9—31.—Теорія родового быта имѣетъ въ русской литературѣ своихъ представителей въ лицѣ Эверса. Древнѣйшее русское право въ его историческомъ раскрытіи. пер. 1835, стр. 1—3, Соловьевъ, История Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, гл. III, Кавелинъ, Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи (сначала въ Современникѣ, 1847, т. I, а теперь въ Собраніи сочиненій, т. I, 1897, стр. 5—66).—По вопросу о существованіи въ древнѣйшій періодъ рядомъ съ обычнымъ правомъ законовъ высказались въ утвердительномъ смыслѣ: Maciejowski, Historia prawodawstw słowiańskich, 2 изд. 1856, т. I, стр. 122, которые въ словахъ лѣтописи видятъ только подтвержденіе болѣе раннихъ указаній, Шилевскій, Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I (Учен. Зап. Каз. Univ. 1862, стр. 258), который думаетъ, что «Несторъ противопоставляетъ обычное право письменнымъ законамъ». Напротивъ, принимаютъ законъ въ смыслѣ тождественномъ съ обычаемъ: Сергѣевичъ, Лекціи по исторіи русскаго права, 1890, стр. 13—16; Леонтовичъ, Старинъ земскіи обычаи (Труды VI археологическаго съѣзда, 1889, стр. 150—156); Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, 2 изд. 1888, стр. 84 (въ противоположность мнѣнію, выраженному въ Хрестоматіи, в. 1, изд. 3, 1885, стр. 9, прим. 17).—Предположеніе о существованіи древняго кодифицированнаго общеславянскаго права, которое легло въ основаніе Русской Правды, сдѣлалъ Rakowiecki, Prawda Russka, т. I, 1820, стр. 115, 128—131, 243 (codex praw cywilno-religiynych). По вопросу о соотношеніи между публичнымъ и гражданскимъ правомъ въ древнѣйшій періодъ см. статью Стефановскаго, Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права (Ж. М. Н. Пр. 1873, февраль и мартъ, статья неокончена, ограничивается періодомъ Договоровъ и Русской Правды).—Лучшая работа о договорахъ съ греками, гдѣ проводится указанный въ текстѣ взглядъ на значеніе договоровъ, принадлежитъ Сергѣевичу, Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X вѣка (Ж. М. Н. Пр. 1882, январь, перепечатано въ Лекціяхъ, изд. 1890, стр. 27—56); тотъ же взглядъ на значеніе договоровъ съ греками для характеристики русскаго права даетъ Никольскій, о началахъ наследованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, 1859, стр. 220.

Русская Правда извлечена изъ архивной пыли Татищевымъ въ 1739 году и впервые издана Шлецеромъ въ 1767 году. Въ настоящее время тексты ея въ Хрестоматіи Владимірскаго-Буданова и въ Текстѣ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакціи Калачова, 1847; новѣйшій переводъ по троичному списку см. въ Русской исторіи, т. I, 1898. изд. Библіотеки для самообразованія (В. Сторожевъ). Литература Русской Правды далеко не можетъ похвалиться богатствомъ. До сихъ поръ единственнымъ полнымъ изслѣдованіемъ на русскомъ языкѣ является сочиненіе Калачова, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, 1846, на нѣмецкомъ языкѣ Tobiasen. Die Prawda Russkaja und die altesten Tractate Russlands, 1845; на польскомъ языкѣ Rakowiecku, Prawda Russka czyli prawa wielkiego księcia Jarosława Władymirowicza, 2 т. 1820, 1822. Со стороны гражданскаго права обстоятельными трудъ Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869, гл. II. Предполагается еще изслѣдованіе Рожкова, Опытъ объясненія Русской Правды, которое, однако, судя по пробнымъ главамъ (Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь и декабрь) не обѣщаетъ много новаго — Офіціальныя характеры Русской Правды признавали: Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачова, 1859. I, стр. 4); Грипъко, въ статьѣ, тамъ же помѣщенной «Объ участіи общины въ судѣ Русской Правды» (стр. 131). Частною работою признаютъ Русскую Правду: Эверсъ, Древнѣйшее русское право, стр. 369. Калачовъ, Предварительныя свѣдѣнія, стр. 45, Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 63; Владимірскаго-Будановъ, Обзоръ, стр. 91—92, 94, Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I, стр. 209; колеблющееся мнѣніе — Кавелинъ. Собраніе сочиненій, т. I, 1897, стр. 879; Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, II, стр. 218, который полагаетъ, что «вопросъ объ офіціальномъ или неофіціальномъ значеніи самаго сборника едва ли можетъ быть рѣшенъ вполне». — Леонтовичъ отрицаетъ законодательный элементъ въ Русской Правдѣ (Старыя земскіе обычаи стр. 260). — Византійское вліяніе на древнѣйшее русское право указано у Неволіна, Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ, 1851, Рождественскаго, Разсужденіе о вліяніи греко-римскаго права на російскіе гражданскіе законы, 1843 (Актъ с.-петербургскаго университета). Мнѣніе Сперанскаго, что «Русская Правда очевидно имѣетъ отпечатокъ сѣверныхъ германскихъ законовъ» (Рус. Старина 1876, мартъ, стр. 595) нашло ревностнаго защитника въ лицѣ норманиста Погодина. Лекціи и изслѣдованія, т. III, гл. IX.

§. 2. Періодъ мѣстныхъ правъ. Многообъщавшей культурѣ южной Руси суждено было, вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, остановиться въ своемъ движеніи. Постоянныя усобицы удѣльнаго періода, которые

сосредоточивались около старѣйшаго и богатѣйшаго Кіева и раззорили окрестное населеніе, разгромъ Кіева полчищами Батгя, учрежденіе Орды, близость которой была небезопасна—уничтожили центръ древней Руси, разсѣяли собравшееся по Днѣпру населеніе, которое стало тянуть теперь къ новымъ центрамъ, болѣе обезпечивающимъ личную и имущественную неприкосновенность. Вмѣстѣ съ тѣмъ пало прежнее политическое и культурное единство русской земли. Взамѣнъ того установилось нѣсколько центровъ общественной жизни на совершенно новыхъ мѣстахъ или на мѣстахъ, не игравшихъ прежде видной роли. Хотя разсѣявшееся населеніе унесло съ собою свои воззрѣнія и нравы, но отчасти новыя условія жизни, отчасти столкновеніе съ мѣстными нравами создали совершенно разныя культуры. Особенное различіе сказывается между сѣверными республиками, литовско-русскимъ и московскимъ государствами.

Этотъ сепаратизмъ политическій и культурный не могъ не отразиться на правѣ. Источникъ общаго права, Русская Правда, постепенно въ XIV вѣку выходитъ изъ употребленія и забывается. Конечно, содержаніе ея продолжаетъ сохранять свое значеніе въ качествѣ обычнаго права и даже подвергается дальнѣйшему развитію, особенно въ богатыхъ частно-правовую жизнь республикахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, но сила нормъ основывается исключительно на обычаяхъ, а не на авторитетѣ сборника. До новаго политическаго и культурнаго объединенія подъ главенствомъ Москвы возникаетъ рядъ отдѣльных, независимыхъ другъ отъ друга системъ правъ: псковскаго, новгородскаго, литовско-русскаго, московскаго. Можетъ быть, были еще и инныя мѣстныя системы, но исторія не сохранила намъ ихъ. Возможность ихъ существованія основывается на упоминаніяхъ о какихъ то сборникахъ ростовскомъ и рязанскомъ, будто бы даже видѣнныхъ нѣкоторыми. Въ пользу этой возможности говорить также тотъ историческій фактъ, что право такого крупнаго центра, какъ Новгородъ, дошло до насъ въ жалкомъ отрывкѣ.

Соотношеніе между гражданскимъ и публичнымъ правомъ получаетъ также разное выраженіе въ разныхъ системахъ. Богатая частная жизнь сѣверныхъ вѣчевыхъ городовъ должна была дать широкій просторъ нормамъ гражданскаго права. На-

противъ, лагерный бытъ московскаго государства, сосредоточеніе общаго вниманія на усиленіи самодержавной власти, отъ которой ожидалось обезпеченіе безопасности, не благоприятствовали юридическому опредѣленію нормъ частнаго быта.

Особенно благоприятно для развитія гражданскаго права сложились историческія условія на сѣверо-западѣ, въ республикахъ новгородской и псковской. Признаніе личности, участіе каждаго въ государственныхъ вопросахъ, свобода оборота, торговыя сношенія, развитая общественная жизнь рядомъ съ неприкосновенностью частной жизни, ослабленіе родовыхъ связей—все это давало мѣсто для дальнѣйшаго развитія тѣхъ частно-правовыхъ нормъ, которыя заключались въ Русской Правдѣ. Дѣйствительно, Псковъ сохранилъ намъ замѣчательный памятникъ гражданскаго законодательства, извѣстный подъ именемъ Псковской Судной Грамоты.

Этотъ замѣчательный памятникъ является актомъ вѣчевого законодательства. Его офиціальный характеръ не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ самой Грамотѣ указано, отъ имени кого она составлена: „по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ, и священноинокъ, і дѣяконовъ и священниковъ и всего Божія священства, съѣмъ Псковомъ на вѣчи“. Конечно, самое составленіе не могло принадлежать многолюдному вѣчевому собранію. Ст. 108 Псковской Грамоты ясно указываетъ, что предложеніе новыхъ законовъ лежало на посадникѣ, а вѣче соглашалось утвердить новый законъ или отмѣнить старый.

Источники, изъ которыхъ составилось содержаніе Грамоты, указаны въ ней самой. „Ся грамота выписана изъ Великаго князя Александровы грамоты, і изъ Князя Константиновы Грамоты, і изъ всѣхъ приписокъ Псковскихъ пошлинъ“. Такимъ образомъ матеріаломъ послужили законодательные акты и обычное право. Псковское законодательство, прежде чѣмъ вылилось въ форму Псковской Судной Грамоты, пережило нѣсколько моментовъ, о которыхъ мы имѣемъ самое смутное представленіе. Законодательства князей Александра и Константина, о которыхъ упоминаетъ грамота, отчасти представляли собою утвержденіе существовавшихъ до того нормъ обычнаго права, отчасти носили реформаторскій характеръ. Это можно вывести изъ исторіи Константиновой Грамоты, отъ которой псковитяне отрекались, съ благословенія митрополита